

ГЛАВА 12. Мольбы старика Чэня

Старик Чэнь вернулся на каменоломню в полном беспамятстве, едва держась за плечи подпиравших его мастеров.

Согласно законам Великой Лян, при разрешении торговых споров, если дело касалось лишь долгов или убытков, сторон не заключали под стражу. Им позволялось разойтись по домам и ожидать вызова в суд.

Если уходил старик Чэнь преисполненный надежд, то вернулся — словно тень самого себя.

Двое суток он просидел в оцепенении, не притрагиваясь ни к еде, ни к воде. Когда же домой вернулся его сын, Чэнь Дачжи, тот с порога обрушился на отца с расспросами:

— Отец, что случилось? Едва я вошёл в город, как услышал, что наш товар арестован Лавкой Чжэньпиньцзай!

— Ты ещё смеешь спрашивать? — голос старика Чэня, изнурённого голодом, был едва слышен.
— Это всё твоя затея! Смешать свежий заказ со старыми плитами со склада... Нас поймали за руку.

Чэнь Дачжи побледнел, но признавать вину он не спешил.

— Старые плиты ничем не хуже! То, что они придирались к каждой трещинке — явное намерение нас подставить. Поди спроси любого закупщика в богатых домах — никто не чист на руку, все подмешивают товар попроще к лучшему! Если нас прижали, значит, мы просто плохо «подмазали» кого надо. Признавайся, когда вёл дела с управляющим Ли, ты давал ему на лапу?

— Управляющий Ли был со мной предельно вежлив, во всём шёл навстречу, — вздохнул старик Чэнь, обхватив голову руками. — Мне и в голову не пришло, что его нужно подкупать.

— Вот в этом и беда! — подхватил сын. — Отец, бери деньги. У меня как раз есть гостинцы, что я привёз из Минчжоу, — отдадим всё вместе. Дело ещё можно уладить.

У несчастного старика осталось лишь несколько монет, отложенных на чёрный день и собственные похороны. Делать было нечего — он достал сверток, в котором оказалось всего двадцать лянов серебра.

Чэнь Дачжи выхватил деньги, пересчитал и с досадой бросил их на стол.

— Мне в этом деле светиться нельзя, в уезде Шаньнань я человек уважаемый, моё лицо — мой

капитал. Придётся идти тебе. Иди тихо, чтобы никто не видел. Завтра же, с самого утра!

Жена старика Чэня, доселе молчавшая, не выдержала:

— Сынок, побойся бога! Твой отец два дня крошки во рту не держал, ему не вынести такой долгой дороги по горным тропам.

— Мне плевать! — Дачжи топнул ногой. — Промедлим — и другие лавки, что делали у нас заказы, разорвут договоры. А если они узнают о дурном качестве товара, нам придётся выплачивать огромные неустойки. Мы по миру пойдём!

— Хорошо, хорошо... — засуетился старик Чэнь. — Я пойду... завтра же пойду!

На следующее утро, опираясь на деревянный посох, старик побрёл в префектуру Юэчжоу.

Ему повезло: управляющий Ли оказался на месте. Однако, увидев старика, тот помрачнел. Денег управляющий не взял, но, проявив вежливость, приказал нанять для гостя бамбуковые носилки, чтобы выпроводить его со двора.

— Старый владелец, — твёрдо сказал управляющий Ли, — Лавка Чжэньпиньцзай дорожит своим именем и ведёт дела честно. Вы первыми нарушили договор, подмешав некачественный камень. Теперь мы будем действовать строго по закону.

Старик Чэнь долго плакал и молил о пощаде, но в итоге ни с чем вернулся домой.

Чэнь Дачжи, увидев отца, едва не впал в неистовство.

— Отец, мы просто обратились не к тому человеку! Вспомни, как этот управляющий Ли вообще узнал о нашей каменоломне? С чего он решил закупать камень именно у нас?

Старик Чэнь принялся пересказывать: как управляющий Ли пришёл в дом к торговцу сушёной рыбой, как увидел там отличные плиты, и как тот самый торговец порекомендовал их хозяйство.

— Так это он во всём виноват! — воскликнул Дачжи. — Отец, разделимся. Ты ищи этого торговца сушёной рыбой, а я отправлюсь в уезд Шаньнань к приставу Бао. У нас с Бао Цюшэном есть кое-какие связи. Если торговец пойдёт в отказ, я натравлю на него пристава. А те деньги, что не взял управляющий Ли... отдадим половину приставу, пусть задобрит секретаря в суде. Ударим с двух сторон — и этот торговец сушеной рыбой у нас запляшет!

— Да, да, всё правильно! — Старик Чэнь, окончательно потерявший волю, во всём соглашался с сыном. Шатаясь, он отправился в деревню Пиньян.

Однако там его ждало разочарование: жители в один голос твердили, что Цуй Яна не видели уже полмесяца. На вопросы о том, где он живёт, когда уезжает из деревни, крестьяне лишь качали головами.

Старик Чэнь стал бледным как пепел.

Тем временем Чэнь Дачжи спешно прибыл в уезд и кинулся к Бао Цюшэну.

Пристав Бао, конечно, слышал о Чэне Дачжи. Он знал, что этот сын каменотёса — спесивый дурак, которого городские богачи держат при себе лишь ради забавы.

Для золотой молодёжи Дачжи никогда не был ровней. Его брали с собой на попойки, когда требовался шут для увеселения или «кошелёк», готовый платить за чужие обеды.

Недавно Чэнь Дачжи совсем задрал нос: он увязался за сыном уездного помощника в Минчжоу и по возвращении расписывал свои приключения так, будто действительно вошёл в круг избранных.

Бао Цюшэн, хоть и был человеком грубым и не всегда честным, таких выскочек, как Дачжи, терпеть не мог. Он послал одного из подчинённых разузнать, в чём дело.

Выяснилось, что Дачжи хочет «проучить» некоего Цуй Яна, снимающего у его отца старый дом, из-за какой-то старой обиды.

Узнав об этом, Бао Цюшэн пришёл в ярость. Он с грохотом опустил саблю на стол:

— Что за дрянь возомнила, будто может мной помыкать?!

Чэнь Дачжи, привыкший к мнимому уважению, не ожидал такого приёма.

— Ты всего лишь жалкий пристав! — взвизгнул он. — Как ты смеешь так со мной разговаривать? Ступай и спроси в поместье сына помощника начальника уезда — там со мной обходятся со всем почтением!

На крики собралась толпа. Среди зевак оказались приказчики из нескольких лавок. Завидев Дачжи, они переглянулись — хозяева строго-настроено велели им ловить этого проходимца, который задолжал денег или обманул их при расчётах.

— Это Чэнь Дачжи! Держите его! — закричал один из них.

Дачжи понял, что пахнет жареным, и бросился наутёк.

Но люди Бао Цюшэна не дремали. Пока одна часть стражников докладывала начальнику о случившемся, другие уже скрутили беглеца.

Вскоре пристав Бао лично допросил приказчиков. Услышав о вымогательствах и долгах Чэня Дачжи, он, не колеблясь, доложил судье, и парня бросили за решётку.

Несчастный старик Чэнь, едва добравшись до дома, узнал о беде с сыном. Издав жалобный вскрик, он рухнул наземь без чувств.

Очнулся он лишь на следующий день. Жена его, выплакав все глаза, сидела у изголовья:

— Отец, не судьба нам видать больших денег, не стоило и зариться. Помнишь, под Новый год я брала в храме предсказание? Даос тогда сказал: «Живите мирно, не желайте чужого, творите добро и копите заслуги».

«Творите добро?»

Слова жены заставили старика Чэня по-новому взглянуть на всё, что произошло на каменоломне.

Он понял, что упустил из виду одного человека. Торговца рыбой не найти, но оставался Лу Фэн.

Именно Лу Фэн первым привёл покупателя. Именно благодаря ему они получили тот огромный заказ от Лавки Чжэньпиньцзай.

Если кто и мог знать, где найти Цуй Яна, так это Лу Фэн.

Но при мысли о нём сердце старика сжалось. Он вспомнил, как выгнал парня перед самой отправкой товара в Юэчжоу за то, что тот наотрез отказался участвовать в обмане. А ещё — как он удержал долю Лу Фэна за предыдущие сделки.

Старик тяжело вздохнул и обратился к жене:

— Отсчитай три тысячи пятьсот монет. Я иду в деревню Пиньян.

— Отец... — Жена запнулась. После всех несчастий денег в доме почти не осталось. Если отдать и это, они останутся ни с чем.

Старик Чэнь понимал её страх, но лишь тихо добавил:

— Не бойся. Эти деньги не пропадут даром.

Ближе к вечеру Лу Фэн вернулся домой, неся на коромысле вязанку отборного хвороста.

Потеряв работу на каменоломне, он был вынужден вернуться к заготовке дров. Леса вокруг деревни принадлежали общине, рубить там запрещалось, поэтому парню приходилось уходить глубоко в горы, преодолевая по несколько миль по заброшенным тропам.

Собранный хворост он не продавал соседям — завтра на рассвете ему предстояло нести его на рынок в уездный город.

Осень брала своё, темнело рано. Данянь Лу, экономя масло, не зажигала светильник. Мать и сын ужинали при тусклом свете тлеющих в очаге углей. На столе стояла жидкая похлёбка из батата с редкими крупинками риса. Почти весь рис был в миске Данянь Лу, а Лу Фэну достались лишь несколько кусков батата.

В этот момент в дверь постучали.

— Парень Лу дома? — раздался снаружи знакомый голос.

Лу Фэн замер. Он сразу узнал старика Чэня. До него уже дошли слухи о позоре на каменоломне, и в глубине души он не без злорадства подумал, что старик сам вырыл себе яму.

Он не ожидал, что бывший хозяин явится к нему. Не скрывая неприязни, Лу Фэн глухо спросил:

— Что вам нужно?

— Я пришёл повиниться, — старик даже не переступил порог. Он опустился на колени прямо в дверях. — Жадность затуманила мне разум, бес попутал. Я не должен был лишать тебя заработанного. Вот твоя доля, прими её. И умоляю... замолви за нас словечко перед господином Цуем. Сжальтесь над нами, не дайте семье погибнуть!

Лу Фэн оторопел. С Цуй Яном он виделся всего пару раз — с чего старик взял, что он имеет на него какое-то влияние?

Тут подала голос Данянь Лу:

— Старый владелец, мы слышали о вашей беде. Вы сами решили продать лежалый камень. Мой сын предостерегал вас, но вы не пожелали слушать.

— Да, да! Всё так! Моя вина! — Старик Чэнь закивал, обливаясь слезами. — Но теперь лавка хочет судиться, другие заказчики требуют возврата денег, а сына бросили в темницу... Мне некуда больше идти! Спасите нас, добрая госпожа!

Его рыдания, хриплые и отчаянные, привлекли внимание соседей. Селяне начали собираться у дома, перешёптываясь и указывая пальцами на плачущего старика.

Чэню было невыносимо стыдно, он лишь сильнее втягивал голову в плечи.

Данян Лу нахмурилась и, подозревая сына, что-то тихо шепнула ему на ухо.

Лу Фэн выслушал мать, кивнул и вышел к старику.

— Хватит плакать, старый владелец. Вы сами во всём виноваты. И вместо того чтобы рыдать здесь, лучше бы искали другой выход.

Он указал на связки монет, лежащие на земле:

— Это — то, что вы мне задолжали. Я не собираюсь бить лежачего. Мы договаривались на пять частей, а вы добавили ещё одну. Мне лишнего не нужно.

Он поднял две связки, развязал третью и отсчитал четыре сотни монет, после чего вернул ещё сто восемьдесят.

— Моя плата — триста монет в месяц. В этом месяце я отработал восемнадцать дней. Вот мои честные деньги. Остальное забирайте.

Расчёт был сухим и точным, но главное — деньги были приняты.

Старик Чэнь перестал плакать. Дрожащими, потрескавшимися руками он вытер слёзы, подобрал оставшиеся монеты и, опираясь на посох, медленно пошёл прочь.

Лу Фэн вернулся в дом, не совсем понимая мудрость матери:

— Матушка, мы взяли деньги, но разве это поможет старику уладить его дела?

— Просто смотри, что будет дальше, — спокойно ответила Данян Лу.